

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ТЕОРИИ КИТАЙСКОГО СОЦИАЛИЗМА

Обращение к древним китайским учениям – даосизму, конфуцианству, моизму и легизму – в разные исторические эпохи было неодинаковым и зависело от того, какие цели преследовались. Уникальность китайской политической мысли заключается в том, что на политическую систему КНР, и, в частности, на формирование теории социалистической модернизации повлияли не сами древнекитайские политико-философские учения в чистом виде, а их осовремененное практическое прочтение, которое поспособствовало появлению единых канонов, актуальных для любой исторической эпохи.

Во время правления Мао Цзэдуна в китайском научном сообществе утвердилась точка зрения, что конфуцианское учение препятствовало государственному развитию, в то время как легизм способствовал переходу на новую формационную стадию. В середине первого тысячелетия до нашей эры идеологическим представителем обреченного класса рабовладельцев была группировка конфуцианской школы - Конфуций, Цзи Сы и Мэн Цзы. А идеологическим представителем нового класса помещиков была легистская школа Шан Яна, Хань Фэя и др. И подавалось это как очевидное: кто способствовал развитию нового строя и учение соответствовало историческому развитию, а кто стремился защитить старый строй, а значит, учение тянуло назад. Подобная критика конфуцианства в пользу легизма, подхваченная средствами массовой информации, доминировала долгое время и способствовала утверждению власти Мао, как грандиозного революционера,двигающего модернизационную идею. Политическими и общественными деятелями КНР из множества трактатов политико-философских учений древнего Китая бралось то, что им было необходимо на данный момент, не взирая порой на взаимоисключение некоторых положений. Принципы конфуцианства, как и легизма, трактовались на основе современного понимания. Это было характерно, как для политики руководителей КНР первого поколения во главе с Мао Цзэдуном, который поспособствовал забвению конфуцианских принципов и утверждению маоизма, так и для политического курса руководителей второго поколения во главе с Дэн Сяопином, наоборот, обратившихся к наследию представителей конфуцианской философской школы. Оформляя в КНР идеологию «социализма с китайской спецификой», лидеры второго поколения применили на практике в ходе «социалистической модернизации» новаторские идеи с каноничными [4 с. 300]. Они возвратили в китайскую политическую терминологию используемые конфуцианством и даосизмом термины «Дао» - путь и «Дэ» - добродетель.

Одним из основных терминов, отождествляемых с проводимой модернизацией, становится понятие «сяо кан», в конфуцианстве определявшее средний класс, среднезажиточное общество. Понятие это было прочно внедрено в политический лексикон КНР не без участия Дэн Сяопина. В его понимании, четыре модернизации, к осуществлению которых надо стремиться, - это модернизации китайского типа. Концепция "четырёх модернизаций" имеет в виду "семью сяокан". Чтобы выйти на уровень более богатых стран третьего мира, скажем, со среднедушевым ВВП в 1000 долларов США, следует приложить еще немало усилий. Китай в этом случае по-прежнему будет находиться в состоянии "сяокан".

Зададимся вопросом, является ли закономерным поражение коммунистической идеологии, отрицание коллективистской парадигмы развития в Европе? После своего поражения в этой части мира идея марксизма, претерпев изменения, была утверждена в странах восточной цивилизации. Она стала актуальной с момента оформления глобальной расстановки сил, где есть либерально-демократический Запад и социалистический Восток. В качестве очередного витка "столкновения цивилизаций" в Китае в конце XX века – начале XXI формируется уникальная идеология "социализма с китайской спецификой" с упором на цивилизационную составляющую, китайскую аутентичность [3 с. 44].

В американской синологии Китайская революция 1949 г. не сразу стала восприниматься как реально весомое культурное, социально-политическое событие. Только после 60-ых годов с изучением итогов Вьетнамской войны, поражения планов США в Юговосточном регионе появился интерес к Китайской политической системе. Особый интерес американцев был к идеологическому компоненту в период разногласий между СССР и КНР. Ученые заинтересовались уникальным случаем внутреннего дробления коммунистической идеи, обособления режима КНР, образования восточного социалистического лагеря с явным влиянием восточной традиционной философии, несмотря на сохранение марксистского ядра. Для этого периода характерно выделение "китайской специфики" среди стран социалистического блока.

После китайских реформ, начатых в 1978 г., в США данное явление рассматривалось в большей мере как последовательный отказ Китая от социалистического пути, апробированного в СССР, а после и в других странах и, конечно же, в Китае [6 с.38]. Видимый для всех отказ Китая от данной модели развития обосновывался коренной политической реформой, ростом военно-промышленного потенциала, занятием весомой геополитической позиции в регионе, экономическим ростом и внедрением рыночных методов в экономику, появлением частной собственности.

Если вернуться в историю, то следует отметить, что не первая, но наиболее обширная модернизационная мысль в традиционном обществе Китая зарождается после контакта китайской цивилизации с европейской. Понимание необходимости скачка в развитии приходит к политикам и мыслителям Китая в XIX веке во время «опиумных» войн. Благодаря этим обстоятельствам были открыты ворота закрытого консервативного Китая, который ощутил мощное внешнее воздействие на все сферы общественной жизни. Сопротивление в виде переосмысления иноземного вторжения, не как обычного разграбления общества, а как изменения его коренных ценностей, низложения его цивилизационных основ с целью подчинения собственным интересам, повлекло за собой ответ выраженный в политике «самоусиления».

Реакция на иностранное вторжение, ставшее главным фактором развития Китая с середины XIX века, была разнообразной: от попыток вооруженного сопротивления до выдвижения альтернативных программ национального развития. Это была реакция духовного и интеллектуального потенциала китайского социума на вызов времени. Китайские политические деятели осознали, что с самоизоляцией, сохранив незыблемой собственную культуру, можно отстать от мировых тенденций и уступать европейским державам во многих сферах. Прорубленное Западом «окно» стало для Китая зеркалом, в котором он увидел себя в обрамлении внешнего мира. Закончилась эпоха замкнутости, а вместе с ней эпоха китайского доминирования в регионе. Дальнейшее его развитие в значительной мере определялось характером и уровнем развития западной цивилизации, вторжение которой придало импульс

«погони за лидером», «учения у Запада». Европейские державы с вторжением в Китай стали катализатором модернизации, проходившей под лозунгом: «китайская наука в качестве основы западная – для утилитарного применения». Это один из фактов проявления «китайской специфики», выраженный в стойкости к ассимиляции и способности использовать плоды чужого опыта на благо своего. С решением проблем модернизации столкнулось три политических движения Китая: консервативное, реформаторское и революционно-реформаторское. Каждое из них имело собственный взгляд на преодоление трудностей, стоящих на пути модернизационной политики.

Основой появления новых тенденций и векторов развития китайской цивилизации стали социально-политические либеральные преобразования императрицы Цыси. Они дали дорогу для возникновения и развития нескольких альтернативных архаической точек зрения на проведение модернизации. Признание универсального характера исторического развития стало ведущей тенденцией общественной мысли Китая с конца XIX века. Его принимали Ли Хунчжан, Кан Ювэй, Лян Цичао и Сунь Ятсен». [5 с.45].

За радикальные перемены в китайском обществе с внедрением западноевропейских методов управления выступал Сунь Ятсен как сторонник революционного пути реформ и признания универсального характера исторического развития. Цель радикальных реформ заключалась в достижении революционным путем европейского уровня развития, который Европа достигла эволюционным путём. На этом пути формировалась интеллигенция западного образца, представители которой, чаще относились не к воспитанникам конфуцианской школы, а к носителям ценностей западноевропейской цивилизации. Видными представителями её были Сунь Ятсен и Чан Кайши, исповедовавшие протестантизм. Реформаторские идеи выражались в посланиях интеллигенции к народу против сохранения императорской власти. Националистическая сущность идеи Сунь Ятсена выражалась в «трёх народных принципах» и консолидировала ханьский этнос в борьбе против маньчжурской династии Цин. Сунь Ятсен также предлагал растворить все нации Китая в ханьской, указывая на то, что они не имеют сильных различий, по принципу «пять народностей – одна семья». Идея национальной консолидации – создание великокитайской нации была необходима для реализации модернизационного скачка. Она сработала - монархизм, олицетворявший, во многом, отставание Китая, пал в ходе Синьхайской революции 1911-1913 годов под руководством Сунь Ятсена. Так как новая китайская интеллигенция в этот период в целом являлась западнцентричной, то их поиск подходящей формы политического устройства власти происходил среди европейских идейно-политических концепций.

В начале XX века в России и Европе ведущим течением либерализма было уже не экономическое, а политическое, ведущее борьбу за всеобщее избирательное право, демократические свободы и права личности. Повышенный интерес китайской интеллигенции вызвало социалистическое учение, которое в Китае восприняли более чем родным, отмечалось крайне позитивное отношение китайской политической элиты к распространению социализма в Китае. Такими китайскими идеологами, как Ли Дачжао, Чэнь Бода и Лян Цичао утверждалось, что социалистическая идея – наполнена традиционными для китайской философии принципами и поэтому идеально подходит для китайского общества. Более того, поддержку нашло заявление, что социализм происходит из китайской философии, социалистическое учение разработано в трудах китайских философов.

Китайскую интеллигенцию интересовали происходящие в Советской России события. Образованный в 1919 году Гоминьдан и его основатель Сунь Ятсен испытывали обоснованный интерес к Октябрьской революции в России. Ответным было и решение России о поддержке революционных сил в Китае.

Начало сотрудничества с Коминтерном стало поворотным моментом для Гоминьдана и всего Китая. Это был первый кирпич в деле реформирования идеологии и политической системы, а также формулирования политических целей. Не без советской материальной, финансовой и кадровой помощи была организована национально-революционная армия Китая. Сунь Ятсеном была пересмотрена его идея о достаточно абстрактных «трёх народных принципах» в пользу приоритета практических задач. Некоторыми из последствий

сотрудничества с Советской Россией являются: признание универсальности опыта Октябрьской революции в интеллектуальных кругах, появление политических лозунгов в поддержку крестьян и рабочих, подъем революционного движения и зарождение концепции «китаизированного марксизма».

Распространение социалистических идей среди населения, рост его политической активности и успехи компартии высветили ущербность Гоминдана, остававшегося закрытой корпоративной структурой. Эта партия оставалась элитарной. Главные лица её придерживались правой идеологии, провозглашали цели, обеспечивающие личные буржуазные интересы под видом общенациональных. Это в большей степени помогло подняться Коммунистической партии Китая, которая изначально заняла позиции левого толка, а ее верхушка происходит из народной среды. Чтобы лишить коммунистов доступа к властным ресурсам, Гоминдан выступает против КПК, поставив крест на концепции коалиционного правительства. Мао Цзэдун снятием социальных критериев для вступления в партию дал возможность партии снизить уровень радикализма и повысить уровень демократизма [8 с.322]. КПК быстро становится многочисленной. Руководство ее объявляет цель – построение «государства союза рабочих, крестьян и буржуазии». Это перекликается как с «Тремя народными принципами» Суи Ятсена, так и с будущей концепцией Цзян Цзэминя «О трех представительствах», которая является продолжением курса Мао Цзэдуна в партийном строительстве.

После образования Китайской Народной Республики в 1949 году первичной задачей КПК было восстановление народного хозяйства. Вся страна – вид огромной территории сельской местности с неразвитой промышленностью, на которой проживало пятьсот с лишним миллионов населения, в основном бедных крестьян. Для поднятия материальной базы страны были предприняты попытки индустриализации и коллективизации по примеру СССР. [2 с. 123]. К 1953 г. выяснилась неспособность преобразованного сельского хозяйства обеспечить страну продовольствием, что послужило основанием для введения государственной монополии на хлеб и основные продукты питания. В 1953-1954 годах для усиления командно-административного управления сокращена сфера рыночного регулирования, заложены социально-экономические предпосылки для восстановления азиатской модели государства [1 с. 438]. Крестьяне из собственников земли вновь стали арендаторами, а власть-собственность переходила в руки аппарата государственного управления. На 1-й сессии ВСНП 1-го созыва (сентябрь 1954) прагматичное крыло КПК во главе с Чжоу Эньлаем впервые выступило с программой «четырёх модернизаций» (промышленности, сельского хозяйства, транспорта и обороны). Весомым фактором выделения «китайской специфики» в социалистической парадигме является отказ КНР следовать советскому опыту социалистического строительства, конфликт двух государств, повлекший за собой прекращение советской материальной помощи Китаю. Так была запущена в КНР политическая программа «опоры на собственные силы». Были определены практические результаты как синтез западных и традиционных идей. Использование марксистских трактовок притуплялось их неуместностью.

Результаты XX съезда ЦК КПСС были опасны для Китая, где роль Мао Цзэдуна была идентична роли Сталина, культ которого был подвергнут осуждению в СССР. Таким образом, «хрущевская оттепель» в Советском Союзе стала началом критики советской модели в КНР. Отказ от опеки Советского Союза вынудил КНР прибегнуть к так называемому «большому скачку» китайской экономики. Переориентированы также были общие цели социалистической модернизации, заблокировано развитие институтов рыночной экономики, федеративного политического устройства. Китайское руководство принципиально остановило советскую интерпретацию марксизма. Разрешено было обращение к традиционной китайской философии с целью поиска собственного способа дальнейшей интерпретации марксизма, что расценивалось как «вызов традиции». [7 с.584].

Итак, можно заключить, что с момента прекращения сотрудничества КПСС и КПК в китайской политической мысли национальные принципы начинают доминировать над марксистскими, происходит очередной этап выделения «китайской специфики» в социалистической среде. КНР, благодаря этому проходит этап «сочетания марксизма-ленинизма с реальной действительностью Китая». Следующий этап – политика Дэн Сяопина,

ориентированная на построение «социализма с китайской спецификой». Суть её заключается в использовании «практического опыта и коллективной мудрости партии и народа». Главный лозунг этого этапа произнес Дэн Сяопин: «Практика - критерий истины». Политика «реформ и открытости» ознаменовала окончательный переход на уровень независимой политической жизни КНР. 3-ий пленум ЦК КПК дал старт новой эпохе китайской модели социализма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Китай на пути модернизации и реформ, 1949-1999 /Под ред. Титаренко М.Л. - М.: Институт Дальнего Востока РАН, 1999. – 735 с.
2. Китайская народная республика в 2001 г.: Политика, экономика, культура /Под ред. Титаренко М.Л. - М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002. – 2002. – 420 с.
3. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию //под ред. Михеева В./-М: Моск.центр Карнеги, 2015.- 144 с.
4. Киссинджер Г. О Китае.-М,: АСТ, 2014.-354 с.
5. Коммунистическая партия Китая. История и современные проблемы. К 80- летию создания КПК / Под ред. Асланова Р.М. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2001. – 545 с.
6. Ли Дачжао. Избранные произведения. – Пекин: Изд-во литературы иностранных языках, 1959. – 389 с.
7. Линь Ифу (Цай Фан) Ли Чжоу. Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа. Пер. С кит. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2001. – 568 с.
8. Маомао. Мой отец Дэн Сяопин. –М.: РУССОЛИТ, 1995. – 655 с.